

Николай Иванович Андреев
(1792-1870)

Воспоминания офицера 50-го егерского полка

Воспоминания эти доставлены в Русский Архив сыном Н. И. Андреева, редактором художественного издания «Картинная галерея Европы», инженер-действительным статским советником Александром Николаевичем Андреевым^[1], которому выражаем за то нашу признательность. На подлинной рукописи значится: *«Милым моим детям на досуге писанная быль со мною. Для них, быть может, будет любопытна жизнь их отца. Хотя не витиевата, но все справедливо. 1844 года, Марта 28 числа»*. Этими строками вполне определяется значение нижеследующих рассказов. Безыскусственная простота и живая искренность в описании великих событий придают особенную цену Воспоминаниям Н. И. Андреева. О 1812 годе рассказывает, без всякой мысли о печати, простой офицер, очевидец и участник тогдашних бедствий^[2].

- I. Учеба и формирование
- II. Красное и Смоленск
- III. Бородино и переформирование
- IV. Заграничный поход

Примечания:

[1] Андреев Александр Николаевич (1830-1891). Сын Н.И. Андреева. Учился в институте инженеров путей сообщения. Множество его стихотворений, повестей, рассказов, путевых заметок, статей по искусствам и др. рассеяно по журналам и газетам. Цыганские песни и романсы его доныне пользуются известностью; водевили и драматические шутки - большей частью переделки и переводы с немецкого и французского - в свое время были очень популярны и долго держались в репертуаре. Ценнее других его художественные издания: «Живопись и живописцы главнейших европейских школ» (1857); «Указатель картин и художественных произведений галереи В.А. Кокорева» (1863); «Памятники древнего Рима» (1861); «Венеция в художественном отношении» (1864). Драматические произведения А. вошли в книгу: «Театр А.» (1875). Отдельно вышли еще «Давние встречи» (1890) (справочные данные приводятся по «Энциклопедическому Словарю» Брокгауза-Эфрона).

[2] С этой характеристикой невозможно не согласиться, — в них можно найти некоторые ошибки и неточности, но совершенно невозможно заподозрить автора в неискренности или хвастовстве. Это обстоятельство позволяет считать воспоминания Андреева ценнейшим историческим источником, мемуарами в идеальном смысле этого слова.

Оцифровка, вычитка и примечания - [Константин Дегтярев](#), 2004. Текст приводится по изданию: «Русский Архив, 1879, т.3, с. 174-202. Художественное оформление, иллюстрирование и дополнительная корректура выполнены [Олегом Поляковым](#), 2005. Файл в формате *pdf подготовил [В.Цибанов](#) для сайта <http://tsibanoff.narod.ru>. 2010.

Исходник: Библиотека интернет-проекта [«1812 год»](#).

Андреев Николай Иванович
(1792-1870)

Воспоминания офицера 50-го егерского полка

Учеба и формирование

I

Отец мой, служивший во времена Великой Екатерины в драгунском полку, оставил службу с чином подпоручика и по отставке определился в статскую службу в городе Пскове, где был любим бывшими наместниками г. Беклешовым, Ламсдорфом и Пилем. Женился он в 1784 году Июня 17-го на дочери дворянина Мягкова, Елене Васильевне, которой тогда не более было 14 лет. Позднее отец мой перешел на службу той же губернии в уездный город Порхов, где купил себе дом на берегу реки Шелони и где я родился в 1792 году Апреля 5-го числа.

В 1798 году старший мой брат Василий был определен в Военно-Сиротский дом или Корпус, который был учрежден Императором Павлом^[1]. Заведение сие было любимым у Государя. В нем был комплект двух сот и сверх-комплектных до 300 человек. При сем же заведении были солдатская рота и отделение девиц около ста. Директором был назначен любимец Государя, бывший в Гатчине майором, что в последствии генерал майор, кавалер и командир, Петр Евстафьевич Веймарн. Корпусными офицерами были дети Веймарна, Александр, Владимир и Иван Петровичи; солдатского же отделения прежде капитан Нолькен, а в последствии майор Книпер. Директрисою у девиц жена директора. Следовательно, вся власть была у одного лица.

Вот настал и мой час. В Декабре 1802 года, нарядив меня и брата Нила в зеленые сертуки с стеклянными пуговицами, в середине коих были из фольги звездочки и в тафтянныя высокия стеганыя шапки на вате, в конце коих находились большия пуговицы, обернули нас в заячьи шубы, крытыя нанкою. Сборы в дорогу в старину были большия: за полгода говорили, что нужно ехать к Рождеству, за несколько недель соседи прощались, собирали экипажи, служили молебны, повозки были за неделю у крыльца. Люди, Матвей и Минка, ходили взад и вперед в длинных сертуках, подпоясанные кушаками. За три дня изготовили дорожныя кушанья. Настал, наконец, час разлуки — дворня все до единого, не исключая малолетных у матерей на руках, собралась; плач и рыдание сопровождали наш поезд. Не буду описывать дорогу; помню только, что мы везде останавливались в крестьянских избах для ночлега и покормки лошадей. Тогда харчевен или постоянных дворов было мало.

По приезде нашем в Петербург, мы остановились на квартире на Песках, близ Рождества, у кофишенка^[2] Щербаева. Праздник Рождества Христова прошел, настал новый 1803-й год; помню, что отец мой, по знакомству с стариком Брызгаловым, служившим в Михайловском замке (это ныне Инженерное Училище) имел случай видеть из онаго замка великолепный фейерверк, данный на Царицыном лугу в столетие С.-Петербургa. Зрелище было великолепно; но я, по молодости лет, ничего не мог заметить особеннаго.

Меня с братом Нилом отвезли вскоре в Корпус, тот же, где был старший наш брат, и родители наши вскоре уехали в свою деревню. Первое время в Корпусе мне было чрезвычайно скучно и единообразно. Нас приняли сверх комплекта, надели толстые солдатские мундиры; но по просьбе родителей наших мы спали с комалектными, у которых как мундиры, так и все содержание было гораздо лучше сверхкомплектных, у коих было все солдатское.

Обмундировка наша была следующая: поярковая^[3] треугольная шляпа с шерстяным кордончиком, мундир довольно длинной, зеленой с красным высоким воротником, голова напудрена, сзади заплетены с боков маленькия косички в три прядка, а посредине коса с подкосником, обернутая черной лентой, белая протупея застегнутая поперек портами, спереди оной медная пряжка, белые суконные исподницы, башмаки тупоносые с медной пуговицей. Нас поместили в 1-й класс, потому что мы знали только читать по-русски более ничего. Как теперь помню, что в классе нашем были два брата Ганибалы, Федор и Иван, весьма черные лицом и телом, с курчавыми черными волосами и большими белыми глазами и зубами. С нами были и солдатския дети в одном же классе. Учителями нашими были солдатские воспитанники из музыкантов.

Директор наш любил удовольствия; для своих детей, кадетов и девиц. Он учредил домашний театр у себя на дому на чердаке, в коем играли кадеты и его сыновья, они же и женския роли: из них был недурен кадет в женской роли Лямин, который впоследствии взят Цесаревичем в конную гвардию юнкером. Костюмы доставались из малаго театра племянником начальника театра Казаса, Албертом. Иногда собирались танцевать у директора, и кадеты играли в билиард. Могли везде кадеты быть в партикулярном платье и всегда по просьбе были отпускаемы домой, часто и не в праздник, девицам тоже был отпуск из Корпуса с родственниками, а часто и с знакомыми... Со мной были в одной спальне племянники директора Александр, Федор и Петр; последний ныне начальник главнаго штаба и генерал-адъютант. Учители наши были неважные, и на успехи кадет никто не обращал внимания до того, что некоторые были в классах, а другие играли на дворе в мяч и шехарду. В 1805 году вышел в отставку наш директор с сыновьями, купив себе хорошее имение в Ямбургском уезде. По увольнении директора Веймарна многие очень сожалели, что лишились отца: так его называли кадеты. После него переобразовался совершенно Корпус, отделение девиц переведено в другой дом, солдатская рота в Рамбов^[4], уничтожены сверхкомплектные, все были разделены на две роты. Директором назначен полковник Ген, офицеры даны из армии и гренадеров. Ротными командирами назначили двух капитанов Эбергарда и Свечина, они оба были строги до чрезвычайности. Эбергард, чахоточный, сухощавый и никогда не улыбался, сек кадет без пощады и, кажется, сам наслаждался, до того что многих полумертвых выносили в лазарет, а г-н Свечин не уступал злостью и варварством Эбергарду. Они изобрели, чтобы и самая розги были по форме, размачивались и парились в горячей воде. Секли ими на скамейках солдаты, и нередко давали до 700 розог и более. Жестокость сих варваров известна была многим. Дали лучших учителей, перестроили дом, и Корпус принял один вид с прочими корпусами.

Я забыл сказать, что 1805 года уничтожили на голове пудру и косу, а 1807 года дали кивера и портупею чрез плечо. В сем же году взяли от нас лучших офицеров Клугина и Галченкова в лейб-милицию; но она, возвратясь из Пруссаго похода, переформирована в Финляндский полк. В сем же году сформирован лейб-уланский полк, из баталиона гвардейских егерей сформирован лейб-егерский полк. Директор наш Федор Иванович Ген приказом по Корпусу установил, чтобы отпускаемые в праздник кадеты никак бы не ходили к параду, что бывал у дворца каждое Воскресенье; но как обыкновенно всякое приказание в последствии времени забывается, также и сие. Я был отпускаем со двора к почтеннейшему семейству Станицевых, куда каждый праздник, по милости, можно

назвать, сих благодетелей, я с братом ходил; нас любили и ласкали как ближайших родных. Я утром вышел погулять и, встретясь с кадетом нашего корпуса Зеничем, условились идти в Эрмитаж, куда свободно нас пускали по билетам, которые легко можно было достать, и проходя мимо дворца, видим развод и Государя. Как же пройти и не взглянуть? Мы остановились, но что же? Не прошло пяти минут, как подошел к нам директор, спросил наши фамилии и велел идти в Корпус; всякий может вообразить, каким страхом мы были поражены. И, отойдя от дворца, не разсудили мы вернуться в Корпус, а пошли каждый по своим квартирам и явились в Корпус к вечеру со всеми вместе. На другой день в обед наш пришел директор и спросил нас; мы встали, извиняясь, что ненарочно, но проходя мимо остановились. На сие не получили никакого возражения, а вечером фельдфебель Ходовский показал нам письменный приказ директора, в коем было сказано: «кадеты 2-й роты Андреев и Зенич ослушались приказа и были на параде найдены г. директором, за какое ослушание при собрании всей роты наказать их розгами». Я сознаюсь, ночь всю провел без сна. В 9 часов пошли в классы. Куда тут науки и уроки! Меня не помню что спросили, я не отвечал, хотя по обыкновению кадеты мне подсказывали и давали знать знаками; но я был растерян и за сие поставлен среди классов на колени. В это время входит инспектор Шумахер. Увидя меня, повернулся и сказал: «Экой болван!» Но я был равнодушен и думал, что меня будут терзать. Пришла пора, вышли из класса, построили роту, повели обедать. Разумеется, я до обеда не дотрогивался, кончился обед, начали выносить лишние столы (ибо залы у нас не было, потому что дом перестраивался наш, а мы жили в наемном у купца Кочерова, комнаты были малы, рота поместиться не могла), привели всю роту, поставили скамью длинную, явились палачи-солдаты с ужасно-длинными мокрыми розгами, и за ними не замедлил придти главный капитан Свечин; вызвав меня и Зенича на середину, велел прочитать указ. Куря сигарку, он мигнул нам, и я первый повалился на скамью. Не помню что я чувствовал, пожар, огонь, боль, но к счастью оробев, я мало подавал голосу; меня кончили и сняли. Но ужас был Зеничу — несчастный кричал во всю глотку, и его, как имеющего хороший голос, по словам капитана секли без пощады; считавшие по обыкновению удары прочие кадеты сказали, что мне 80, а Зеничу 533 ударов были наградой за любопытство развода.

Мне шел уже 17 год, но успехи по наукам очень слабы: я был еще во 2-м классе. Я думал: что делать? Офицером буду нескоро, и очень не скоро, разве чрез 5 или 6 лет. Как быть? Блеснула мне мысль: буду проситься из Корпуса в отставку. Решил и написал батюшке о моей болезни и прочее, выдумал многое. Отец мой разсудил и разрешил мне выдти, написав благодетелю моему Станищеву, чтобы употребил все средства меня освободить; а тот адресовался к знакомому ему адъютанту старшему Цесаревича Лагоде и я чрез неделю оставил ненавистный мне Корпус, где я провел семь лет.

Вот я на свободе и нимало не помышляю, что я буду и какую теперь разыгрываю роль. Нанял я недорого подвод и приехал к отцу. Первое его слово: что ты, и чем будешь заниматься? Куда думаешь вступить в службу? Я еще ничего не обдумывал, но отвечал: «Как вам будет угодно!» — «Хорошо, живи дома и что из тебя выйдет». — Я же с первого шагу так соскучился, что не знал что делать; и наконец блеснула мысль благая: я прошу отца отпустить меня в Петербург, где я сам определюсь в дворянский полк, называемый тогда волонтерным, из дворян устроенный 1807 года, в коем были дети, старики и отцы с сыновьями. Он состоял при 2-м Кадетском Корпусе^[5]. Отец мой одобрил мой выбор, благословил и к новому 1810 году отправил меня, дав в дорогу 50 рублей ассигнациями. Я был Крез.

По приезде в Петербург, имея свидетельство о дворянстве губернского предводителя, я чрез неделю был принят в Корпус волонтером во 2-й батальон. Являсь к баталионному командиру Энгельгарду, я сознался ему, что был в Корпусе Военно-сиротском, оттуда

вышел по болезни, и учился математике, знаю читать и писать по-французски и по-немецки, географии хорошо (это я не прибавил, потому что любил сию науку), историю, рисовать, ну словом, что меня учили. Я был принят милостиво и окружен как воспитанный хорошо. Буду офицером чрез 6 месяцев! Я занялся фронтом^[6], в классы не ходил, потому что учились только те, кто не знал читать и писать по-русски и первых четырех правил арифметики. Я уже был в общем мнении профессор, хотя правду сказать только то и знал, чему учили других. Фронт я понял скоро и дожидался выпуску, но увы, тщетны наши надежды! Цесаревич Коистантин Павлович, узнав, что г. батальонные командиры берут деньги с кадет и выпускают их чрез два месяца, имея их своими пансионерами и на своем столе, берут с них по 1200 рублей и более, запретил всех прежде года не выпускать офицерами. Я должен был оставаться на год, но меня произвели унтер-офицером. В это время определены были в один со мной Корпус и меньшие мои братья Александр и Петр. Житье мне было превосходное против Военно-сиротского: свобода и без классов, стол изрядный. В Июне пошли кадеты, в том числе и наш полк, в Петергоф на практический поход. Довольно было приятно, мы были на маневрах с гвардией, наш баталион поместили в Аглицком саду во дворце. Ученье, частые смотры императора Александра и разводы каждый день. Цесаревич любил наш Корпус. Вскоре баталионные командиры были подполковники и полковники с орденами на шее Св. Анны и Владимира; награды частыя и щедрья сыпались им. Дали полковаго командира, полковника из свиты, Куруту, который был только во фронте командир, а всегда был при Цесаревиче, а внутренно распоряжались баталионные командиры. После похода Цесаревич представил 8-мь человек в гвардию, подпорутчиками фельдфебелей и прапорщиками унтер-офицеров; конечно последние были пансионеры баталионных начальников. Нашей 5-й роты фельдфебель А. Арбузов был выпущенъв лейб-егерской полк подпорутчиком, а пансионер Михайло Александрович Корсаков в Преображенский прапорщиком. Первый теперь командир гвардейскаго корпуса и генерал-адъютант.

Приближалась осень. В Сентябре вызывали желающих в кавалерию. Разумеется, я, пробыв 8 лет в Корпусе, объявил желание, которое вскоре назначение переменилось. Из прежних охотников в кавалерию спросили желающих в пехоту в новоформированную дивизию 27-ю. Я от того непрочь. Чрез неделю свели нас охотников к Цесаревичу в Мраморный дворец, а он к Государю в Зимний, во Владимирскую залу. Царь нас поздравил и велел немедля экипировать, что исполнено было с величайшею скоростию на казенный счет; но как? нитяные кутасы^[7], шарф и темляк^[8], эполеты медные^[9] и сукно кадетское, но и зато слава Богу и Царю! Я не имел ни гроша, из дому получить не надеялся, чтб после оказалось справедливо. Я был назначен в 50-й егерский полк 27-й дивизии. Описывать ли восторг и чувство стараго кадета, когда я надевал шпагу? Из разных корпусов 100 человек представлены мы были к Государю, который, осмотря нас, просил служить хорошо, и на другой же день нас выслали из Петербурга, выдав прогоны в Москву. Я, не получа отпуска (ибо никого не отпускали), самовольно заехал к батюшке и, пробыв у него дня три, поехал с ним к дяде Беклешову проститься с сестрами. Через два дня я был уже к дороге к Москве. Батюшка дал мне 150, а дядя 250 рублей на шарф серебряный^[10], как он мне тогда сказал. Я имел 400 рублей ассигнациями. Вот все мое богатство было: жить до трети года. Нужно было сшить платье получше. Но все Бог справил.

По приезде в Москву, явился я к шефу полка (они тогда в каждом полку были) полковнику Николаю Гавриловичу Назимову, который обласкал меня, сделал батальонным адъютантом и велел всегда у него обедать и пить чай. С сего времени до отставки моей из службы сей добрейший человек мне был вместо отца и был моим благодетелем во многих случаях. Упокой Господь его душу! Он умер генерал-лейтенантом в 1828 году, в Тобольске комендантом. Я выпущен был 1811 года, в Октябре. Мне отвели квартиру в Спасских казармах близ Сухаревой башни, где и полк

наш был расположен. Я первой из офицеров явился, после меня из корпусных 2-го Постников и нашего Девянин явились. Формировка полка началась из 3-х рот Московского гарнизонного полка^[11]. Люди были не хуже гвардейских солдат, иные и лучше^[12]; но офицеров несколько, Боже упаси, которые в последствии все из полка вышли. В наш полк пришла еще гарнизона Уральскаго рота с майором Тихановским и тремя офицерами. Майор сей служил 1812 год у нас, был доброй человек. После поступили рекруты, и мы к новому 1812 году были сформированы.

Москвы я описывать не намерен; да по молодости и ветренности моей замечаний не делал, и занятия мои по службе во весь день того не позволяли. Я имел свободный один вечер, обыкновенно занимался ежедневно: утром из рот соберут к разводу, я рассчитаю, команду разводом, в 11 часов еду за паролем и приказанием к коменданту в Кремль, оттуда возвратясь занимаюсь у полковника, у него же и обедаю, в пять часов вечер же мой. Знакомых я никого не имел, выключая почти всей дивизии офицеров, где мы часто встречались в кофейной у Грека или на бегу, что я очень любил смотреть. Вечером были в своей компании или катались по городу. Словом, жизнь моя в Москве была очень единообразна. Дивизия наша была готова. Командовал ею генерал Неверовской, почтеннейший, добрейший и храбрый; бригадные наши были 1-й Ставицкой, флигель-адъютант, полковник, 2-й Александр Яковлевич Княжнин, полковник и нашей 3-й флигель-адъютант полковник Воейков. Дивизия одета была превосходно, люди отличные, корпус офицеров прекрасной. Государь прислал осмотреть и по донесении инспектора полковника Семеновскаго пол-ка Лихарева дивизионной начальник получил чин генерал-лейтенанта^[13].

В Марте месяце 1812 года мы выступили из Москвы вся дивизия и расположились в ближних городах Московской губернии. Полк наш назначен квартировать в Звенигороде, а наш батальон в Воскресенске^[14], заштатном городе, в коем храм, построенный патриархом Никоном по модели Иерусалимскаго. Квартиры были для нас и солдат очень хорошия, примечательнаго там кроме храма ничего не было, я говел в нем и встречал первый день Пасхи. Храм великолепной, в нем было еще при мне 28 приделов, один главной большой на середине и с боков, стены круглыя, похоже на театр, с тою разницею, что галереи внутри храма и за ними приделы. В середине главной церкви большая часовня, разделена на два отделения, в последнем стоит плащаница и освещена свечами и лампадами, с боку другой стороны еще часовня, гораздо меньше, в ней деревянное изображение Христа Спасителя во весь рост в терновом венке, сидящаго на камне в темнице. Галереи в церкви около приделов в три яруса; в главном приделе с правой стороны гора Голгофа, на ней ежегодно бывает напоминовение снятия со креста. С одной из галерей с правой стороны есть вход на колокольню, которая довольно обширна. Оттуда видна деревня Иуды и Вифлеем^[15], находящийся от монастыря в $\frac{1}{2}$ версты; дорога к нему обсажена березками. В Вифлееме небольшая церковь поставлена на пригорке, строение каменное, еще цел небольшой дом патриарха Никона очень простой работы, без всяких украшений^[16]. В монастыре тогда было не более четырех иеромонахов и всей братии с прислугою до 20 человек; при мне даже не было архимандрита, только один строитель. Монастырь очень не богат, и видно, что мало бывает посетителей и пожертвований, хотя оной недалеко от столицы, в 63 верстах, которая издревле славилась подаяниями и приношениями в церкви^[17]. Там мощей никаких нет. Жаль очень, что если сие великолепное здание и священное для христиан упадет; не знаю, в каком оно теперь виде. Монастырь сей построен в 1 версте от заштатнаго городка, ныне местечка Воскресенска, в коем строение деревянное, одна церковь, жители купцы и мещане. В окружности онаго деревни экономическия очень богатыя, крестьяне все староверы разных сект.

Примечания к разделу I:

[1] Военно-Сиротский дом был учрежден Павлом в Гатчине, 28 декабря 1792 году еще в бытность его великим князем. По воцарении Павла I (1796 г.) корпус был переведен в Петербург. С 19.02.1829 г. - Павловский кадетский корпус, с 25.08.1863 г. - Первое Павловское пехотное училище.

[2] Кофишенк (кофешенк) — придворный чин смотрителя за кофе, чаем, шоколадом и прочими горячими напитками.

[3] Поярок — шерсть, руно с ярки, с овцы по первой осени, первой стрижки. Поярковый (поярчатый) — сотканный или сваланный (чаще) из поярку.

[4] Неофициальное название Ораниенбаума (с 1948 года — город Ломоносов).

[5] Дворянский полк (так наименован в 1808 год, до того назывался Волонтерным корпусом) был сформирован при 2-м кадетском корпусе 14 марта 1807 года. Целью этого учреждения была массовая подготовка офицеров из молодых дворян и студентов гражданских учебных заведений. Ранее дворяне из небогатых семей записывались в гвардейские и даже армейские (особенно — кавалерийские) полки рядовыми, создание полка позволяло распорядиться этими кадрами более рационально. После ускоренного обучения воспитанники полка переводились в армию офицерами. По отзывам современников уровень их подготовки оставлял желать лучшего. 17 апреля 1855 г. Дворянский полк преобразован в Константиновский кадетский корпус, а в 1859 г. — в Константиновское военное училище. За первые 25 лет своего существования Дворянский полк подготовил 9070 офицеров.

[6] То есть строевой подготовкой, которая служила в те времена важнейшей основой военного дела.

[7] Кутасы — украшение кивера в виде замысловатой оплетки с кистями на концах.

[8] Темляк — ременная или ленточная петля на эфесе сабли, шашки, шпаги или палаша, надеваемая на руку, чтобы выбитое из руки оружие не падало.

[9] В связи с массовой подготовкой офицеров для вновь формируемых полков были снижены требования к декоративным элементам офицерских мундиров. Ранее все металлические детали желтого цвета исполнялись из золота, белого, — из серебра. Полный комплект офицерского обмундирования обходился в несколько сот рублей. Денис Давыдов, служивший с одним из самых «дорогих», лейб-гвардии гусарском полку, писал: «У нас было больше золота на ташках, нежели в ташках». В ходе наполеоновских войн от этой разорительной для большинства офицеров практики постепенно отошли.

[10] Это вполне реальная стоимость роскошного офицерского шарфа, тканого серебром. Стоимость солдатского обмундирования оценивалась примерно в 12-20 рублей.

[11] Помимо 4-х гарнизонных рот, в формировании 50-го егерского полка участвовали также 4 роты 35-го егерского полка (бывшего Софийского мушкетерского). Пехотные полки дивизии создавались каждый на базе 2-х рот кадровых полков и 4-х гарнизонных рот, так что считать дивизию Неверовского состоящей из одних рекрут (как это часто делается) нет никаких оснований.

[12] Вероятно, это была особенность Московского гарнизона; обыкновенно личный состав гарнизонных частей оставлял желать лучшего. То, что Андреев пишет об офицерах, было повсеместным явлением, т.к. в гарнизоны часто переводили из армии за служебные проступки, чаще всего — за пьянство.

[13] Чин генерал-лейтенанта Неверовский получил в конце 1812 года. За формирование дивизии он был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

[14] Ныне город Истра.

[15] Речь идет о знаменитом Новоиерусалимском монастыре. Основатель монастыря патриарх Никон преследовал цель создать подобие Израиля, Земли Обетованной, в Подмосковье, поэтому окрестности монастыря были преобразованы в соответствии с Евангельскими ландшафтами. Монастырские деревни, реки и холмы получили подходящие библейские названия.

[16] Вероятно, имеется в виду так называемый «Скит Никона», сохранившийся до настоящего времени.

[17] Из воспоминаний Андреева следует, что монастырю не везло и в старину, но самые тяжелые испытания он перенес в XX веке. В декабре 1941 года он был преднамеренно разрушен фашистами, Воскресенский собор взорван, музеи разграблены. Восстановление монастыря началось вскоре после войны и успешно продолжается в настоящее время.

Красное и Смоленск

II

Апреля 11-го дали нам приказ из полкового штаба, чтобы собраться к полку в Звенигород, оттуда неизвестно куда поход. Вот полк собрался в Звенигород. Сей городок местом положения очень приятен, со множеством гор и холмов. Городничий старик весельчак и проказник, к тому же хлебосол и псовый охотник. Недолго пробыли мы в штабе, выстроился полк, отслужили молебен, и нам объявили поход в Гродненскую губернию, в город Новогрудок, на постоянные квартиры. Я постичь не могу, как мало знали мы и начальники наши, которые имели в Москве и Петербурге родство и связи; но никто из них и мы тоже не знали, что идем на кровавую брань, тогда как объявили поход нам на постоянные квартиры. Наполеон собрав полки всей Европы, был уже в Дрездене, окруженный всеми монархами Европы, исключая нашего, Английского, Шведского и Турецкого, и уже шел против России!

Полковник, подозревая меня, спросил, имею ли я лошадь, как необходимость адъютанта. Я ему сказал, что лошади нет, да и денег одна полтина серебром, он тотчас дал мне свою лошадь с седлом и сто рублей в счет будущего жалования. Вот я снаряжен совсем и полк выступил. Что это были за полки нашей дивизии, то таких теперь не выберешь из целого корпуса гренадеров^[1]. Мы проходили Можайск, Гжатскую пристань, Вязьму, Смоленск и частью Минской губернии, не воображая, что чрез два месяца будем на сей кровавой дороге, устланой трупами человек! Поход был единообразной, довольно приятной. Когда вступили в Белорусию и Литву, все для меня было ново, все занимало, и наконец достигли мы места назначения, Новогрудка. По прибытии туда отправили квартирмейстеров занять квартиры для двух батальонов, 3-й же батальон на походе в Могилевской губернии был отделен от нас, отошел с обозом, сдан был майору на законном основании и пошел в крепость Бобруйск, как нам сказали будто для работы, а при полку были 1-й и 3-й батальоны. В ночь прихода нашего приехал курьер от князя Петра Ивановича Багратиона с предписанием, чтобы полки наши к утру были готовы присоединиться к его армии, и тогда мы узнали, что у нас война с Французами. До того времени никто не знал. В ночь послали верховых на обозных лошадях вернуть квартирмейстеров, и утром мы были в действующей армии. Шли очень скоро, потому что неприятель шел за нами в 10 верстах. Как снег на голову было для всех нас.

Мы присоединились к армии под названием второй. Полки сии большею частью были вышедшие из Турции, где недавно Кутузов заключил мир с Турками. Были 12-я, 24-я и 2-я гренадерская дивизии. Сия последняя была отличная, старые солдаты-усачи, их можно сравнить с гвардией 1805-1807 годов; уже после я по сие время подобных полков не видал ни одной роты и в гвардии. Были у нас Ахтырской гусарской, Александровской, Литовской уланской. Первым командовал Ларион Васильевич Васильчиков, а последним

Тутолмин, и Владимирской уланской, весьма дурной полк. Мы шли так скоро, что нередко делали 70 верст в сутки, не имея времени сварить кашицы солдатам, часто навешивали котлы, разводили огни и в мгновение варку сию убирали, выливали на землю и продолжали ретироваться. Было начало Июня, жар нестерпимой. Мы несколько раз переправлялись через Неман в Могилевской губернии. В больших лесах бывали пожары, зрелище ужасное, для нас трудное и опасное для артиллерии. По дороге обе стороны были в огне. Как нас Бог пронес, это непостижимо. Ретирада наша была изнурительная, но за тем отсталыми нашими не пользовались неприятели. Всякой спасал себя и не отставал. Я, частный офицер, не знал плана похода, не мог видеть, почему мы одну и ту же реку Неман переходили на понтонных мостах довольно часто и иногда с трудом, но о сем известно было князю, нашему главнокомандующему. Под местечком Миром была первая свалка у кавалеристов, начали казаки и кончили Александровской и Ахтырской гусарския полки, где последний отличился храбростью. После сего мы почти бежали, получа известие, что наши дерутся в Могилеве на Днепре^[2]: корпус генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского, где отличился дивизионный начальник генерал-майор Паскевич (ныне Фельдмаршал князь Эриванской). Мы, хотя и прошли 70 верст в сутки и, подходя к Могилеву, слышали близко выстрелы, но они уже были последние, и мы не успели в дело^[3]. Мы или армия наша была отрезана от первой Баркляя-де-Толи, сильнейшим противу нас неприятелем; но гений ученика Суворова, незабвенного князя Петра Ивановича Багратиона вывел нас из беды и, по трудной ретираде, окруженной со всех сторон, он вывел армию свою и соединился под Смоленском с первой армией. Хвала тебе, герой бессмертный!

Полк наш расположился у стен Смоленска. Первая армия была близ города, на той стороне Днепра. Пробыв три дня, обе армии пошли за Днепром, и наша дивизия назначена в отдельный отряд к городу Красному, куда и пришли на другой день и расположились около онаго биваками, с нами был Харьковский драгунский полк и два полка казаков, Грекова и Комисарова. Драгунами командовал полковник Юзефович. Наш один Виленский полк из дивизии остался в Смоленске для занятия караулов^[4], то у нас было только 5 полков пехоты. На другой день утром генерал Неверовской получил извещение чрез казаков, что неприятель показывается в сильных массах. Это было в 9 часов утра Августа месяца. Нас поставили на места, пред городом разсыпали стрелков, весь 49-й егерский полк; наш 3-й батальон в улицах города, поротно. Я был при 3-й гренадерской роте, на большой улице, у входа в город при нас было два орудия тяжелой батареи, прочия орудия сей роты были также по улицам, прикрываемыя нашими егерями. В отряде нашем только и была одна рота артиллерии, 8 орудий; три полка пехоты оставались за городом в особых колонах, в поле, нашего полка 1-й батальон с шефом нашим и дивизионным генералом был в резерве, на две версты от города. Мы приготовились встретить неприятеля. Я не буду описывать кампании: мне неизвестна политика, да и что может знать Фрунтовой офицер? Я пишу о себе. Меня батальонный начальник послал сделать мост как можно скорее. Из города было на прямую линию болото, а дорога круто поворачивала направо. Я, взяв барабанщиков и флейтчиков, разломал ближния старыя строения и будки и накинул живой мост для егерей. В 10 часов утра показались передовые казаки и сказали, что ужасная валит сила конницы неприятельской. Мы полагали, что они преувеличили, но вышло справедливо. Я с прочими офицерами пошли на колокольню, откуда увидели из лесу в версте выходящаго по большой дороге от местечка Лядов неприятеля, с множеством кавалерийских колон, и по выходе из леса стали раздаваться по полю вправо и лево; другие шли по дороге к городу^[5]. Вот проскакали мимо нас все казаки и драгуны, егеря 49-го полка сделали выстрелов несколько, и как у неприятеля пехоты не было, то они ретировались и пробежали мимо нас бегом. Едва неприятель стал вступать в город, то был приветствован картечью из орудий и батальным огнем наших егерей. Я был на большой дороге и видел, как несколько неприятельских колон были опрокинуты. Но они смекнули,

для чего терять людей, и пошли в обход города. Что нам делать было как не ретироваться из города? Стрелки побежали, орудия за ними, и при самом выезде из города на поле мы лишились всей нашей артиллерии. Вот какое было войско неприятеля. Наполеон, оставя наши обе армии за Днепром, пошел прямо со всеми своими полками прямо на Смоленск чрез Красной, и весь его авангард кавалерии, 38 полков, под команду короля Неаполитанскаго Мюрата, был послан на рысях занять скорее Смоленск. Это был первый для нас сюрприз. К счастью нашему, что с ними не было пехоты и ни одного орудия артиллерии: так они спешили. Я не могу сказать чувства мои. Быв в первый раз в сражении, я, кажется, ничего тогда не думал, но робел меньше граздо, как в других сражениях.

Вот разбежавшиеся из города егеря, наш батальон и 49-й полк, по полю разсыпанные, стали сбегаться к колоннам пехоты, и те также соединились в одну массу. Я, бывши верхом и видя драгун, в разсыпном строе скачущих по полю с казаками, вздумал было спастись тоже с ними; но усмотрев, что кавалерия неприятельская преследует их и рубит без пощады, повернул моего коня обратно к нашей куче пехоты (тогда точно можно было назвать кучею сию команду; ибо, сбегаясь в одно место, никто не думал устроить порядок, колонну или каре)^[6]. Я, возвратясь в толпу, ехал в середине людей и, видя безопасность от наездников Польских и Французских, иногда любовался их строем. Они одеты были превосходно, лошади отличные, а лучшие у Поляков, которые более всех делали на нас атак; но как ни упорны были их атаки, но ничего с нами сделать не могли. Наша толпа похожа была на стадо овец, которое всегда сжимается в кучу и при нападении неприятеля, с которой ни есть стороны, батальным огнем отстреливалась и штыками не допускала до себя. Поле было широко и ровно; было где разгуляться^[7]. Одна наша беда была, что неприятель не допускал нас выдти на дорогу, которая с царствования Екатерины Великой обсажена в два ряда по сторонам густо березами, что мешало бы более кавалерии близко к нам доезжать^[8]. Взятими у нас орудиями они пускали в нас несколько ядер и картечь и то сперва^[9], но после, как прислуга и сбруя были ими перерублены, то и не могли тащить орудий, кои и остались на месте.

Выстрелы их отняли у нас до 40 человек, иных ранили, и одному возле меня мушкетеру оторвало руку, но он другою с горяча нес еще ружье. Один Польский штаб офицер на отличном караковом коне четыре раза один подъезжал к нам, когда мы бежали; он преспокойно галопировал возле нас и уговаривал солдат сдаться, показывая их многочисленность и что мы себя напрасно утомляем, что все будем в плену. Но он напрасно храбрился: нашей роты унтер-офицер Колмачевской приложился на бегу, и храбреца не стало^[10]. Конь его понесся к фрунту. Жаль покойника! Смельчак был! Атаки продолжались но мы отстреливались. И сказать коротко, что мы были на бегу и в сражении от 10 часов утра до 8 полудня, пробежали 25 верст^[11] и каждый шаг вперед оспаривали дракой. В 8-м часу попали мы на дорогу^[12]. Показался вдали лес, а перед ним высокая и длинная гора, параллельно протянута пред нами, на которой наш дивизионный начальник резерв свой, бывший из одного баталиона нашего полка, выстроил в одну шеренгу егерей и остановленных им драгун и казаков с Донскими двумя орудиями, кои с высоты по неприятелю сделали несколько выстрелов. Французы, полагая, что резерв велик, пехота и артиллерия, и видя сзади лес и уже близко вечер, остановились, и мы, пробежав мимо своих, начали выстроиваться по полкам, пришли в порядок и пошли лесом к Смоленску, от котораго были только в 15 верстах.

Я в Красном купил у казаков Французскую лошадь убитаго офицера с чемоданом за 55 рублей, которую у человека моего Ивана, взятаго из дому (сына конюха) со всем моим имуществом отбили. Он был сзади меня; но как это случилось, я у него не мог допроситься, а думаю, он струсил, увидя неприятеля и ускакал на другой моей лошади,

купленной у казаков, Донской рыжей, а заводную верно бросил, и я остался с тем что было на мне: один только сертук. Такова судьба войны!

Потеря вашей пехоты была до 200 человек, артиллерия вся взята в плен, и драгун несколько порублено^[13]. И по делом им. Зачем они бежали мимо пехоты и не присоединились к ней; тогда было им лучше, а неприятелю после каждой ретирады хуже, ибо они могли бы их рубить. Но что делать? Так случилось. Сражение наше есть необыкновенное: без привалов и порядка, не слушаясь начальников (да и кого же слушать?), толпа наша была смешана из разных полков, и сами без команды отбивались и бежали. Всего нас было 9-ть баталионов, а их, ужас! 38 полков отличной кавалерии и начальник их Мюрат.... Ура! 27-я дивизия не поддадась. Голубчики не трусили и не дали неприятелю торжествовать. За то, как после узнали, как взбешен был Наполеон на Мюрата! Первое сражение, дивизия молодая, рекруты, но отделались. Хвала и Неверовскому: он остановил стремление неприятеля и обезсмертил свое имя сим сражением, выведя свою дивизию, можно сказать, невредимую.

Вечером, в час, 1-го Августа, пришли мы к Смоленску Между тем генерал наш Неверовский от Краснаго дал знать в армию, что неприятель в больших силах войска свои сосредоточил к Смоленску к битве. Во 2-м часу генерал послал меня за три версты от Смоленска узнать об одной помещицъей даче, занята ли она неприятелем. Мне указали тропинку. Лошадь моя не ела и была измучена до чрезвычайности. Спасибо, полковник наш дал мне свою. Думаю: как ехать? Ночь, лесом мелким, где много тропинок, как я один пущусь? Но в службе отговорок нет. Пустился я и, когда проехал кустарниками две версты, меня останавливает улан в белой шапке, потом другой и третий. Я приготовился шпагу свою отдать, думая, что Поляки, но меня спросили, куда я еду и зачем. Я знал, что у нас уланов нет^[14], и целый день насмотрелся на Польских; но я отвечал, что еду на дачу, послан генералом. Они меня пропустили. Тогда и я в свою очередь, спросил их, котораго они полка, Русские или Поляки? Они сказали, что Поляки, но служат в России, Литовскаго уланскаго полка. Я ободрился, как гора с плеч! Они мне показали пикет, где был офицер, у котораго я узнал только, что впереди его казаки и они знают о даче нужной мне, и был так добр, что дал мне по просьбе моей двух улан для конвоя и показать дорогу. Едва я проехал несколько шагов, на пригорке увидел всей Французской армии биваки. Они были освещены огнем для варки пищи, и так близко, что можно было разсматривать, как они сидят у огня или лежат. Дача была занята казаками, но в нескольких шагах и аванпосты Французские. Я обернул лошадь и вскоре был снова у генерала в Смоленске, донес ему, что дача занята казаками и неприятель оттуда недалеко. Генерал приказал мне немедля взять две роты нашего полка 3-го баталиона под команду маиора Белявскаго и отвести на мызу в авангард; но не успели мы пройти версту, как на разсвете увидели отступающих к городу улан, после и казаков. Тогда и мы вернулись к полку.

СМОЛЕНСКАЯ БИТВА.

Я уже сказал, что генерал Неверовской дал знать от Краснаго главнокомандующему, что неприятель идет к Смоленску. Посему немедленно был послан корпус Раевскаго и пришел к свету в Смоленск, а часть кавалерии ночью; оттого я и видел Литовский уланский полк. Раевский принял и нас в команду, сам остановился у Малаховских ворот и поставил на возвышенности батарею. Неприятель с разсветом дня сделал сильный натиск на город множеством стрелков; прежде сего пустил в город множество ядер, бомб и гранат, так что город во многих местах загорелся. Дело сие было на разсвете. Наш 1-й баталион, бывший под Красным и в ретираде от онаго в резерве, поставлен в огороды, в

стрелки; но как неприятельских стрелков было гораздо более, то наш несчастный баталион из тысячи^[15] человек в течении 1/4 часа вышел едва ли с 300 человеками: остальные были переранены, так что и одной роты нельзя было набрать^[16]. Он и оставался где-то в городе оба дня сражения. Неприятель обложил весь город по Днепр. Наша первая армия стояла на горе за Днепром, а вторая билась два дни упорно, так что из первой армии дан был сикурс: 3-я дивизия Коновницына и лейб-егерской полк. Это угодно было Цесаревичу, который сам был при первой армии. С начала сражения наш баталион отправился на правый фланг города или за город к кладбищу. Мы были весь день в стрелках по мелким кустам. Я был послан к генералу Раевскому просить помощи, ибо мы с 4-х до 10 часов утра были одни и потеряли значительно людей, к тому же по обширности места удержать неприятеля не могли. Генерал приказал из дивизии принца Виртембергскаго полку Киевскому идти со мною, а после полудни была не только наша дивизия, да и много пехотных полков на пункте том, где мы несколько часов держались с баталионом. Отрядом нашим командовал генерал Оленин. Хотя я постоянно не был в стрелках, но по обязанности адъютанта водил по очереди из резерва роты в стрелки, что еще хуже: я был на лошади и в не высоких кустах мог быть верною целью. Весь день сражались неимоверно стойко, но к вечеру не могли вынести сильного напора и ретировались в город. Тогда генерал Оленин остановил бегущих, велел вывести орудие на улицу. Люди остановились и прогнали неприятеля, а драгуны после dokonчили, и на ночь город остался за нами. С разсветом на другой день также потеха возобновилась, но нас посылали только четыре раза в стрелки; баталион убавился более половины. Два ротные командира наповал были убиты один из них убит возле своего дома, поручик Кунцевич, двое тяжело ранены, а прочих офицеров со мною на лицо из 21-го оставалось 8.

Мы отдыхали на валу городском и смотрели, как сильно колонны подвигаются во множестве к городу; ибо нам и кусты все были видны с возвышения, как на тарелке. Утром, часов в 11-ть, командир Одесскаго полка полковник Потулов, увидя меня сидящаго с офицерами на земле, пригласил к себе закусить. Мы выпили водки и съели хорошей ветчины и телятины. Он очень был грустен, сказал, что вчерашний день у Малаховских ворот убидли его любимую лошадь и, взяв меня и адъютанта своего Аксентьева за руки, пошел ближе к валу, где у нас стояли пушки, посмотреть, как смело поднимаются на гору Французы; но едва успели мы подойти к концу горы, как несчастный полковник был убит наповал, держа нас за руки. Пуля прошла в грудь на вылет в сердце, и он не сказал ни слова. Степан Степанович Потулов служил прежде капитаном в Преображенском полку, полковником произведен там же и назначен шефом Одесскаго полка, был умен и необыкновенной доброты. Весь полк о нем плакал; об офицерах и говорить нечего: он их баловал и был отцом для них. Тут же его и похоронили у стены Смоленска. Верно, родные в последствии сделали ему памятник, но память о нем долго оставалась и по преданию в полку.

Сражение продолжалось до поздней ночи два дня, равно упорное, и удивительно, как могла наша вторая армия, из 6 дивизий с небольшим, держаться так долго в стенах Смоленска. Город не был укреплен, кроме что имеет каменную стену почти такую же, как в Пскове. Первый день приступа неприятеля по большей части все были Поляки и Итальянцы; но на второй всех племен. Зрелище ужасное! Город горит, людей бьют, крик, стон, стукотня и трескотня с пожаром, и это до того присмотрелось, что мы могли есть и спать, не думая ни о чем. Под вечер вынесли из собора образ Смоленской Божией Матери, которая и была при армии не знаю долго ли, но пред сражением Бородинским 25-го Августа ее носили по рядам солдат обеих армий. Ночь с 5-го на 6-е Августа все было тихо, баталион наш был в передовой цепи на том же месте, поротно. Я не спал и вздумал проехать вдоль реки к мосту. Не знаю что меня завлекало видеть руины и узнать, будет ли или есть ли первая армия в Смоленске; ибо мы все роптали, что армия

за городом хладнокровно смотрит на бой, а нам худо держатся. Подъезжая к мосту, вижу, что проходит войско. Я подъехал на мост, и штаб-офицер свиты его величества спрашивает у меня, нет ли там войска, откуда я приехал? Я сказал, что других не знаю, а есть наш баталион в цепи на правом фланге. Он просил меня скакать и велеть баталиону немедля бегом прибыть сюда, ибо армия выходит из города и что он сей час зажигает мост, прежде чем будет разсветать, чтобы мост был уничтожен. Я прискакав объявил нашему майору Антонову, который-долго не решался оставить без приказа своих начальников свой пост; но по убеждению моему велел подвигаться. Через четверть часа прискакал адъютант наш навстречу с приказанием идти бегом, что мост сожгут, и едва мы перебежали оной, как его взорвали, но бывший пред нами взвод Одесского полка, которому не дано было знать и быть может и еще подобные, остались: так и взяты в плен. Там был мой знакомый порутчик Крутов; но я не знал тогда, и было каждому до себя. И так по случаю, что мне вздумалось проехаться, наш баталион и я спаслись от плена. То было Провидение Всевышняго. Я, проводя последний день в стрелках, был удивлен по возвращении на место к баталиону: опустя руку в карман и вынув табакерку, заметил, что она разбита в дребезги, над карманом пробито. Осмотрел лошадь и нашел сзади в седле пулю, завязшую в обруче железном, а у казенной моей лошади в первый день сражения отбило копыто, когда я ее вел в поводу, указывая место 8-й роте где наши стрелки. Сражение каждое есть велико для того, кто участвует в нем, потому что и одним выстрелом может повалить, как говорят, виноватаго. Не умолчу об одном случае и верю, что есть предчувствие. У порутчика 8-й роты нашего баталиона была тетка, и у нея на Форштате¹⁷¹ свой дом. После сражения стрелки сменяются для отдыха довольно часто, тетка его приносила ему и нам, завтраки, и он более 15-ти раз в два дни был в стрелках с удовольствием, брал пленных, был примерной храбрости офицер, в последний же раз около вечера пришла его очередь, он пошел к майору и убеждал его не посылать. Майор спросил, не болен ли он? — «Что-ж, Иван Дмитриевич, я совершенно здоров; но тоска ужасная, идти не хочу, робость напала». Тот его убеждал и просил идти, сказывая, что ему будет стыдно и что он его за храбрость под Красным и в Смоленске представит к Владимиру с бантом. Пошел Кунцевич и против обыкновения простился со всеми нами, но едва разсыпались его стрелки, как был поражен пулей на повал. Я велел после его искать, чтобы похоронить, и что же? Его вечером принесли всего ограбленного: сапоги, сертук и все сняли Французы. Мы его похоронили на дворе его дома. Несчастливая тетка его, бедная женщина, была неутешна и с нами вышла из города, а после мы ее потеряли из виду. Еще такой же был случай с прапорщиком, и тот убит!

Мы пошли из Смоленска, и на разсвете уже неприятели заняли город и отыскивали переправы; кажется, что они простояли в нем дня два.

Примечания к разделу II:

[1] Такую характеристику дивизии подтверждает А.М. Дараган в ее биографии Д.П. Неверовского. Она утверждает, что Московский губернатор называл 27-ю дивизию «Московской гвардией».

[2] Речь идет об известном сражении под Салтановкой 10-11(22-23) июля 1812.

[3] В 1839 году я служил исправником в Новоржевском уезде, и при проезде Фельдмаршала князя Эриванскаго чрез наш уезд его встретил и рапортовал. Он пред станцией Ашевой шел пешком. Увидя у меня медаль 1812 года, он спросил, где я служил. Ответ был мой скор: «Я служил у храбраго генерала Неверовскаго в 27-й дивизии». — «А знаю! жаль добраго моего друга, сказал князь; а помните ли вы, как я под Смоленска вас выручил?» — «Ваша светлость, отвечал я, Вы не помнили зла, что дивизия наша не выручила вас под Могилевым». — «Да, это правда, что не выручила, сказал он; но как могли вы выручить,

пройдя и без того невероятно, около 80 верст в сутки? Жаль мне и теперь вашего храброго и доброго Дмитрия Петровича Неверовского!» (примечание Н.И. Андреева)

[4] По свидетельству поручика Симбирского пехотного полка Душенкевича, в Смоленске была оставлена 1-я пехотная бригада 27-й дивизии (Одесский и Тарнопольский пехотные полки). Тем не менее, он также считает, что во время боя у Неверовского было 5 полков, — 4 собственных и один сводный, из батальонов 42-го егерского и Орловского пехотного полков 26-й дивизии. Некоторые источники называют также Полтавский и 41-й егерский полки. В целом, вопрос о составе отряда Неверовского остается открытым; положительно можно утверждать лишь участие 49, 50-го егерских, а также Симбирского пехотного полка, относительно прочих сведения противоречивы.

[5] То же видел Душенкевич с позиций Симбирского пехотного полка.

[6] По-видимому, Неверовскому поначалу все же удалось устроить общее для всех полков каре, однако оно не было слишком стройным и в ходе отступления смешалось окончательно.

[7] Вороновский утверждает, что местность от Красного до Смоленска представляет собой широкие и ровные поля, раскинувшие по обе стороны от дороги. (Вороновский В.М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии. Смоленск, 1911)

[8] Душенкевич, напротив, утверждает, что березы и рвы помогали укрыться от французской кавалерии; из этого невятного утверждения многие исследователи делали неверный вывод, что отряд Неверовского отступал походной колонной по дороге. Это чудовищное искажение показаний очевидцев делает картину боя совершенно непонятной и даже фантастической. Тем не менее, оно зафиксировано во многих вторичных источниках, в том числе — на известной картине Петера Гесса.

[9] Душенкевич, напротив, относит действие захваченной артиллерии к финальной части боя.

[10] Душенкевич также упоминает одного «храброго французского штаб-офицера», «павшего на штыках». Рассказ Андреева кажется более отвечающим действительности.

[11] Реально с боем было пройдено 12 верст.

[12] Совпадает с показаниями Душенкевича.

[13] Вопрос о потерях не может быть решен с точностью. Сегюр говорит о 1200 пленных и 1000 убитых, что кажется преувеличением. Паскевич утверждал, что дивизия была наполовину истреблена, т.е. оценивает потери в 2000-2500 человек, — но эту цифру он приводит со слов адъютанта Неверовского, высланного вперед прямо из боя; точной эта цифра быть не может. Богданович приводит цифру в 800 пленных и 700 убитых, но никак ее не объясняет. Судя по тому, что 27-я дивизия отнюдь не потеряла боеспособности и через пару дней активно сражалась в Смоленске, к малой цифре потерь, сообщаемой Андреевым, следует отнестись со вниманием. Она тем более заслуживает внимания, что Душенкевич также не сообщает о значительных потерях и уверяет, что французы потеряли намного больше (по французским данным — 500 человек). В любом случае, значительная часть потерь лежит на драгунах, казаках и артиллерии, пехота же действительно могла понести самые ничтожные потери, отражая атаки холодным оружием в сомкнутой массе и не подвергаясь почти действию ружейного и артиллерийского огня.

[14] Уланы — традиционный польский вид кавалерии, популярный, впрочем, и в других армиях, в том числе и в русской. Литовский уланский полк включал в себя много солдат и офицеров польского происхождения, сохранивших верность России, наряду с русскими. Среди последних можно назвать поручика Александрова (известную кавалерист-девицу Н.А. Дурову).

[15] В полном батальоне, вместе с гренадерской ротой, должно было быть около 640 человек, если гренадеров не отряжали в сводные части, что делали весьма часто. Численность действующих батальонов обычно не превышала 500 человек. Возможно, Андреев все же имеет в виду полную численность своего полка.

[16] Еще одно странное место — в полной роте насчитывалось около 160 человек. Если речь идет все-таки о полке, это место следует читать «так что нельзя было и роты набрать на батальон».

Бородино и переформирование

III

Вышед из Смоленска, мы шли по дороге в Петербург, хотя небольшие переходы, но дня три. Обозы наши были на Московской дороге, и мы продовольствия никакого не имели. Я ходил просить в полки нашей дивизии, но ни у кого не было хлеба; достал у иных круп, у других мяса, сварили кашу, но хлеба ни сухаря не было ни у кого. После мы повернули на Московскую дорогу, где отыскивали наши обозы и после 3-х дней очень рады были солдатскому сухарю. Не доходя Вязьмы, я узнал, что меня произвели в подпоручики, но не за отличие, а по линии, и я в этом чине в военное время более 4-х лет служил. Меня представили к орденам, за Красное к св. Анне, на шпагу, а за Смоленск к Владимиру 4-й степени, но не знаю, как это устроилось, что за оба сражения не дали нашей армии ни одному человеку, даже генералам, ничего. Многие сказывали причину, но я думаю, что она недостоверна: будто бы князь Багратион не мог сам утверждать наград, а должен был представлять об оных к Барклаю-де-Толи, чего он не хотел. Но как бы то ни было, а сие осталось нерешенным, почему нам ничего не дали, хотя нашего Неверовского за Красное дело обезсмертили. Но ни он, ни мы, никто не был награжден, а за Смоленск следовало бы. И представления наши умерли вместе с князем^[1]. Под Вязьмою дали нам рекрут из Вяземского депо. Тут я видеся с братом Васильем. В Вязьме мы запаслись провизией даром. Жители все оставили город; нас или полк наш назначили в арьергард, что при ретираде означало сзади всех и всегда в виду неприятеля, в цепи стрелков.

Нашим арьергардом командовал граф Сиверс, а первой армии генерал Коновницын. Придя в Царево-Займище, мы узнали, что наш общий главнокомандующий - Кутузов. Много было пустых толков, да когда же и где их нет? Говорили, что Барклай немец, изменяет, ведет Француза в Москву, мало дерется, отдает города даром. Все подобная глупости безпрестанно повторялись, и очень рады были Михайлу Иларионовичу Кутузову.

Армия наша, кроме двух дней после Смоленска, везде имела продовольствие отличное: хлеба, мяса и вина всегда было довольно, даже с избытком. Спасибо командирам-отцам, мы были сыты вдоволь. Поговаривали, что Кутузов, приняв армию, даст потешиться нашим и остановит Француза; но впоследствии оказалось, что Наполеон очень желал чаще сражений и бесился, что мы отступаем без боя, полагая своим множеством народа уничтожить нашу небольшую армию. Ошибся голубчик в расчете, сам себя скорее уничтожил. Кутузов и подлинно хотел дать сражение в Царевом Займище, но нашед, что позиция невыгодна и отступил до Бородина, близ города Можайска в 9 верстах, а от Москвы в 90-та.

Я был послан в обоз привезти патронные ящики и продовольствие провианта, когда, возвращаясь обратно с ящиками и фурами и проезжая по дороге мимо Бородина, увидел множество возле харчевни генералов и офицеров. Я был позван к Кутузову, который сидел в сенях на скамеечке, окруженный большой свитой. Наряд мой был щегольской: шапка без козырька, старый изодранный сюртук, подпоясанный шарфом без кистей, чрез плечо на ремне нагайка казацкая, сабля у бедра и на тощем большом рыжаке. Я походил на рыцаря печального образа. В заключение сей экипировки была на плечах

обгорелая на биваках байковая желтая бурка, я соскочил с рыжака, отдал его держать фурлейту, а сам подошел к главнокомандующему. Почтенный старик спросил меня, которого я полка, куда везу ящики и где наш полк? Я отвечал, что 50-го егерского полка, везу для бригады порох и хлеб, что полк наш в ариергарде второй армии. Он мне сказал, чтобы я ехал с его адъютантом, который покажет мне, где я должен остановиться и дожидаться своего полка, не трогаясь с места. Меня повели, и я рассматривал место и войска. Возле главнокомандующаго, помню, был 1-й лейб-егерской полк, далее гвардия в колоннах, за ней первая армия, а после и наша вторая. Местоположение было первой армия очень возвышенное, внизу овраг и речка с кустами, а наше гораздо ниже и лес с боку и пред нами. На месте, где я был остановлен, была батарея называемая Раевского; место возвышенное, и тут я нашел уже полк наш отдыхающим. Привезенный провиант и вино были разобраны, но много вина еще оставалось, как неприятель начал посылать к нам из орудий большие круглые гостинцы. Вино^[2] привозили обыватели, которые плакали, чтобы я их отпустил скорее и при каждом выстреле наклоняли головы свои. Я спросил у полковника, куда девать вино, его много. Он велел дать по другой чарке людям, а остальные бочки разбить, чтобы не перепились люди. Я исполнил и велел обручи рубить. Вино потекло, полилось, как 26-го числа кровь людей. Крестьяне, бросив телеги, а другие лошадей своих, бросились бежать.

Это было 24 Августа в 2 часа пополудни. Не успели люди еще поесть, как приказано баталиону идти в стрелки.

БОРОДИНСКАЯ РЕЗНЯ

Описывать битву сию незапамятную в истории хотя бы я мог, узнав подробности ея после и читая описания многих очевидцев, но это будет лишнее: я пишу о себе, следовательно и довольствуюсь тем, где я был и что сам видел.

24-го числа, как я сказал, в 2 часа, не успели наши закусить, как баталион наш пошел в стрелки; а 3-я гренадерская рота подвинулась от полка вперед, но стали возле опушки леса, где и я был. Стрелки наши были в лесу часа три. Тогда неприятели, правее нас, стали показываться колоннами на поле. Нашей дивизии Тарнопольской полк пошел колонной в атаку с музыкой и песнями (что я в первый и последний раз видел). Он после бросился в штыки в глазах моих. Резня недолго была и полковаго их командира ранило в заднюю часть тела на вылет пулею. Его понесли, и полк начал колебаться. Его место заступили, полк остановили, и он опять бросился в штыки и славно работал. После остановились, прогнали неприятеля, и нас сменили. Не знаю что было после; но опять подошли к Раевского батарее, что было на конце леваго фланга всей армии. Тогда ходили еще в атаку Александрийской и Ахтырской гусарские полки и храбро дрались в виду нас. На ночь мы опять пошли в стрелки и стояли смирно, а 25 числа утром сменены были 49-м егерским полком, но не надолго. После весь полк был несколько раз в стрелках и много потерял, а 49-й еще и более нас: у них потеря была очень велика. Во всей армии 25-е число было тихо кроме нас. На левом фланге стрелков никто не замечал, а у нас в бригаде едва ли осталось по 30 человек в роте.

С 25-го на 26-е в ночи, близко нас, у неприятеля пели песни, били барабаиы, музыка гремела, и на разсвете увидали мы вырублен лес и против нас, где был лес, явилась огромная батарея. Лишь только была заря, то зрелище открылось необыкновенное: стук орудий до того, что не слышно было до полудня ружейнаго выстрела, все сплошной огонь пушек. Говорят, что небо горело но вряд ли кто видел небо за безпрестанным дымом. Егеря наши мало были в деле, но дело везде было артиллерийское, с утра против

Нея, Мюрата и Даву корпусов. Наша дивизия была уничтожена. Меня опять послали за порохом, и я, проезжая верхом, не мог не только по дороге, но и полем проехать от раненых и изувеченных людей и лошадей, бежавших в ужаснейшем виде. Ужасы сии я описывать не в силах; да и теперь вспомнить не могу ужаснейшего зрелища. А стук от орудий был таков, что за пять верст оглушало, и сие было непрерывно. Много о том писали и всем известно. Тут перо мое не может начертать всей картины. Проезжая поле, я увидел лошадей нашего полковника и спросил у музыканта Максимова, где полковник, не убит ли? К счастью тот показал, что тут лежит, жив; он не сказал, а показал пальцем. Я подошел к нему, и он с горестию сказал, что полка нашего не существует. Это было в 7-м часов вечера. Я отослал ящики назад, а сам поехал вперед к деревне Семеновской, которая пылала в огне. На поле встретил я нашего майора Бурмина, у которого было 40 человек. Это был наш полк. Он велел сих людей вести в стрелки. Я пошел, и они мне сказали: «ваше благородие, наш полк весь тут, ведите нас последних добивать». Доподлинно, взойдя в лес, мне встретилась картина ужаснейшая и невиданная. Пехота разных полков, кавалерия спешившая без лошадей, артиллеристы без орудий. Всякий дрался чем мог, кто тесаком, саблей, дубиной, кто кулаками. Боже, что за ужас! Мои егеря разсыпались по лесу, и я их более не видал, и поехал к деревне Семеновской. Был уже 10-й час, пальба пушек не переставала с той же силою. На дороге я видел колонны Русских и Французов, как в игрушках согнутыя карты, повалены дуновением ветра или пальцем. Картина ужасная. Но сердце замерло: ни одной слезы о несчастных! Наткнулся я на брата, который сказал, что он ранен в ногу. Я поделился с ним куском баранины^[3], доставшейся мне от казначея Толовикова, когда я ездил за патронами. Возле деревни встретил я дивизионного начальника, который мне велел, где увижу, собирать к деревне Шевардину его дивизию 27-ю.

В 11 часов была дивизия собрана, всего до 700 человек. В Одесском командовал поручик, в Тарнопольском фельдфебель, и так далее; в нашем полковник и три офицера со мною.

В полдень 26-го я с капитаном нашим Шубиным поехал на пригорок, где слышался необыкновенный шум, и что же? Мы видим: два кирасирские полка, Новороссийской и Малороссийской, под командою генерал-лейтенанта Дуки, пошли на неприятельскую батарею. Картина была великолепная! Кирасиры показали свою храбрость: как картечь их не валила, но хотя половиною силы, они достигли своей цели, и батарея была их. Но что за огонь они вытерпели, то был ад! За любопытство наше, капитану Шубину оторвали правую руку, но впрочем на все судьба: это могло бы и не трогаясь с места быть; от сего отделаться нельзя. Мы видели, как Семеновской полк, несколько часов стоя на позиции, не сделав ни одного выстрела, был ядрами уничтожаем. Я видел, когда сняли незабвенного нашего князя Багратиона с лошади раненого в ногу и как он был терпелив и хладнокровен: слезал с коня в последний раз и поощрял солдат отмстить за себя. Помощник Суворова, бывший с ним в Италии и Швейцарии, командовал всегда авангардом и, наконец, бывши главнокомандующим, не берег себя и по привычке был в сильном огне. Он не вынес раны и вскоре умер. Царство ему небесное! Армия много в этот день потеряла хороших генералов: утром убило Тучкова, в полдень Кутайсова, начальника артиллерии, и многих очень. И граф Милорадович поспел на веселый пир. Он пред сражением привел резервы. Граф Воронцов командовал возле нас сводными гренадерскими ротами двух батальонов^[4]; в числе сих были и нашего полка. Ночь прекратила побоище неслыханное в летописях, и мы пошли к Можайску. Да и неприятель отступил. Скелеты полков нашей дивизии поступили к графу Милорадовичу в арьергард.

За Бородино дали мне на шпагу св. Анны 3-й степени, и два еще капитану и прапорщику. Вот наши и все награды за всю Русскую кампанию. Полку серебряные трубы, полковнику св. Анны и Владимира 3-й степени на шею.

Я забыл сказать, что 26 число Московское ополчение стояло в колонне сзади нас на горе; их било ядрами исправно, и даром. Главкомандующий сделал славное из них употребление: поставил их цепью сзади войска, чтобы здоровые люди не выносили раненых, а убирали бы ополченцы. Сделано славно, но безбожники грабили раненых, что я сам видел, везя патроны в полк, и трем саблею от меня досталось по спинам плашмя. Этими молодцами после сражения укомплектовали дивизию нашу, с оружием, Бог знает каким: кто имел пику, кто бердыш, у иного ружье, пистолет и нож, а кто был с дубиной. К нам дали их офицера в треугольной шляпе, который вскоре и бежал. Да и войско его дошло с нами только до Москвы, а после и десятой части их не осталось: все разбрелись, дружки^[6].

От Можайска до Москвы мы не дрались, только иногда кавалерия, всегда сзади нас шедшая, переведывалась по маленьку. Мы подошли к Москве, остановились на Воробьевых горах. Вид чудесной! Вся старушка-Москва под ногами. Я, быв в Москве зимой, не был на горах сих и в первый раз любовался местоположением прелестным. Пробыв там почти сутки, я был послан по дороге Владимирской отыскать обозы наш и 49-го полка, взять фуры и, нагрузив их в магазине в Москве, доставить в полки. Верст за 20-ть от Москвы нашел я обоз и на разсвете был в Москве. Там ожидало меня новое зрелище. Магазин был заперт, караула нет, армии я не нашел; куда пошла, мне неизвестно, да и кто знает, куда ведут начальники? Ломать печати и замки беда, без хлеба ехать еще хуже. Я решился однако нагрузить фуры и поехал за толпою народа, который вероятно выезжал и выходил туда, куда пошла армия, к городу Подольску. Вообразить себе можно, какая давка и теснота была в Москве на выездах.

Жители были до того времени покойны и не выезжали, пока армия оставила Москву. Я видел сию тревогу и с 10 часов утра до 7-ми вечера с трудом с 8-ю фурами выехал за заставу. Отъехав с версту, вижу, что за мною выехала наша арьергардная кавалерия, в том числе были гвардейский^[6], гусарский, уланский и драгунский полки с пиками (гусаров я еще первых увидел с пиками^[7]); полки сии были очень не велики. Вскоре раздался залп из орудий неприятельских; это означало их вступление в нашу столицу, но для чего, я не знал: войска нашего там не было. Граф Милорадович сделал договор с Мюратом выпустить наши остальные войска из Москвы. Я продолжал путь и, отъехав 15 верст, уже ночью, увидел сильное зарево в Москве; белокаменная запылала. Но огонь ея очистил Россию от Французов скоро: нет худа без добра. К свету настиг я на привале свой полк. На другой день шли к Подольску и повернули после круто на Калугу. Мы еще были в арьергарде, но остановившись у села Воронова (Растопчина графа), мы уже были в авангарде: ибо ретироваться с сего пункта перестали. Граф Растопчин, истинно-Русский, сжег сам свое село^[8], чтобы нога неприятеля не ступила в его строение.

Дивизионный наш Неверовской просил графа Милорадовича, чтобы сменил дивизию его, разбитую до невозможности, сказав, что, она без обуви, не имеет времени починиться, да и силами ослабела, всегда под выстрелами от Смоленска. «Знаю ваше превосходительство, что дивизия ваша ослабела силами, но за то тверда духом!» отвечал граф, и Неверовскому не оставалось более как благодарить за честь, которую ему делает граф^[9]. Церемония кончилась, а мы все остались в авангарде. Мы были еще в драке у реки Красной Пахры, и сия была уже для нас последняя. Подойдя к Тарутинскому лагерю, полки наши дошли до совершенного ничтожества: в нашем оставалось до 300 человек и 6 офицеров. Главкомандующий уменьшил дивизию: из шести полков по два послал формироваться. Из нашей дивизии назначили

Тарнапольской и наш 50-й егерский. Людей мы сдали в 49-й, оставя только 40 человек и полковой штаб. У нас было музыкантов с барабанщиками вдвое чем весь полк. Наш бригадный Воейков просил меня идти к нему в адъютанты, ибо его адъютанта произвели в майоры. Я посоветовался с полковником, который мне не присоветывал, а взял с собою. Не знаешь, где найти и где потерять. Хорошо, что я не пошел к нему: он был бригадный одного полка и вскоре по болезни уехал в Петербург, и мы более о нем не слышали: пропал без вести! По названию у нас все был полк, хотя 40 человек, но штаб был полка на лицо.

Мы прошли Тулу и пошли в Нижегородскую губернию в исходе Сентября. В каждом городе мы шли церемониально с музыкой, и когда проходили, то жители всегда спрашивали, где же полк? и мы показывали на наши остатки. Нас принимали везде, как родных; распросов, разговоров не было конца. Стало уже холодно, и мы в Ноябре пришли Формироваться в город Ардатов, а главнокомандующий наш, генерал от инфантерии князь Лобанов-Ростовский, жил в Арзамасе; и кавалерийский же генерал Кологривов в Орле. Житье нам было в Ардатове! Скитавшись от Апреля до 15-го Октября под открытым небом возле костров бивачных и быв безпрестанно в это время в опасности, можно вообразить, каково нам было! Городничий, судья, исправник, соляной пристав и откупщик Анцов, все люди богатые. У последняго была моя квартира, прекраснейшая, лучшая в городе. Пирь безпрестанные, разгулье молодецкое, и еще узнали, что Француза погнали по старой разоренной дорожке. То-то была гульба! Раненые солдаты и офицеры к нам прибывали. Рекрут нам дали молодцов Нижегородских. И мы с 15 го Октября до 1-го Декабря почти сформировали полк. Много прибывало и раненых, офицеров же не было половины комплекта. Мне дали 3-ю гренадерскую роту. Формировка продолжается сама по себе, а вечерами гульба ужасная. Вот, что было у нас, пили на пропалую. Музыканты отказывались от Цымлянскаго и выморозков^[10]. Очень я доволен был, что избавился от адъютантской должности: на месте все бы ничего, а походом каторга; было время, что сам не раздевался и лошадь не расседлывал по два месяца. Полковой адъютант в канцелярии и баталионной, по приходе на место, наряжать должен команды за дровами и водой с офицером, после ехать в дивизионную квартиру за приказанием, а нередко и в корпусную. Поди, отыщи и там дожидайся, пока приказы будут. Их нужно выписать и отвезти к начальству, к бригадному и полковому, после собрать фельдфебелей, отдать приказание, а глядишь уже свет и в поход. Спал я часто верхом, и с боку солдаты придерживали; хуже не было в полку должности моей. Хозяин мой Ардатовский был большой хлебосол, гости и офицеры у него безвыходно были, я ему был как брат, и старший. Езжали к нему часто соседи, живущие в трех верстах от города, семейство Бухваловых, состоящее из старой вдовы, ея сына и двух дочерей. Сын пошел в ополчение, но я его еще застал дома. Меньшая дочь, Марья Федоровна, очень мне понравилась. Я, поотдохнув, забыл про беду и влюбился. Деввица хороша, думаю я, за нею 60 прекрасных душ. Мне, правда, ровесница, 21-го года; что же, жениться не худо, ежели пойдет. Сказано и сделано. Я объяснился с моим хозяином (большим другом семейства Бухваловых), он одобрил. Я чрез два дни посватал и имел полный успех. Вот я и жених, меня любят, ласкают, и я как сыр в масле. Что же? Узнаёт мой добрый полковник — залучил меня в свой кабинет и начал журить поотечески. Он мне сказал: «Что ты, брат Николай Иванович, задумал? Ужели ты век прожил; какого ты чина? Какое теперь у нас обстоятельство? Правда, девица хороша, но что же дальше? Ты очень еще молод, поспеешь жениться; а теперь что же будет? Отставки тебе в военное время не дадут; но хотя бы и дали оную, какую ты играть будешь роль в 20 лет в отставке? Подпорутчик, имеющий св. Анны на шпаге и медаль. И тебя выберут в заседатели в земский суд, привяжешь колокольчик к дуге, и вот блестящая твоя карьера. Того ли ожидает от тебя твой отец? Вот послужил сын его Отечеству ровно год! Ты молод, не понимаешь, что будет. За нею дадут хорошо 60 душ; подумай, у тебя будут дети, может быть и много; ты размножишь слободу однодворцев^[11], ты от скуки захочешь служить,

состояние небольшое, жену оставишь дома. Сам влюбишься опять в другую: вот твоя перспектива! Словом, я тебе никак не позволяю сделать такую наивеличайшую глупость; выкинь из головы, займись лучше ротой, а частые твои поездки прекрати. Поди с Богом, я твоих возражений и слушать не хочу; естли же не перестанешь ездить, то я поеду к ним сам и скажу, что мне отцом препоручен, и я, как отец и как начальник твой, тебе строго запрещаю жениться». Что было мне делать! Говорить—хуже: я знаю горячий нрав его; беда, что наделает! Бог знает, лучше молчать, а свое делать. Представится случай, мое не уйдет. Тепер Рождественский пост; вот как кончится, хозяин мой поможет, сделаем свадьбу в тихомолку, у нас священник добрый, и Ардатовский дьякон, лихой игрок в карты, в билиард и пойдет куда угодно! Ему знакомы другие попы, он устроит; часто он ночи просиживал до обедни, идет в церковь в мелу замаран, проигравши. Ему тихонько покажешь карту с углом: он доволен, полагая отыграться! Человек располагает, а Бог управляет. Я не медля же поехал к Бухваловым. Когда же возвратился от них, мне сказали, что полковник за мною три раза присылал. Я иду. Вижу его серьезную мину. Он мне сказал: «Вот, любезнейший, всему конец. Полно тебе дурачиться: поздравляю тебя с походом: мы идем после завтра в Орел. А тебе вот предписание: поезжай сейчас в слободу, отсюда за 60 верст — там найдешь 120 рекрут Житомирской губернии, прими их и артельные деньги, и выходи ко мне на встречу: тебе не дале будет 15-ти верст по тракту к городу Темникову Рязанской губернии. Возьми с собою трех старых солдат твоей роты, унтер-офицеров не бери. Прощай, поспеши: я буду дневать чрез два дни и туда явишься». Взял я бумагу и думаю: прощай, быть может и на век! Иду я к хозяину, сказываю свою беду; он спросил: «Что же Вы намерены делать?»—«Жениться после праздника непременно, а там что Бог даст!» Вот я делаюсь против службы первый раз преступником! Прошу хозяина завтра съездить к невесте и уверить ее, что я скоро буду. Забрал в дорогу харчей и чаю, лошади готовы, вот я и в дороге.

Зима стояла прежестокая, доходило выше 30 градусов. Лошади были подставные, по предписанию исправника. Я до света долетел до местечка, вижу с гарнизонным офицером, принимаю команду, все идет скоро, деньги до 1500 рублей принял, пишу списки и в день и ночь все готово: прошу офицера довести команду 15 верст до полку. Он сказал, что ему нужно еще 300 человек вести в полк Тираспольской. Вот задача! Что я буду делать! Послать с солдатами команду — худо, а сказаться больным все пропало! Думал я много, и тут нечистый искусил. Я вздумал команду вести в город Ардатов. Это вышло назад 50 верст, да оттуда, сдав гарнизонному офицеру, самому остаться больным и еще бедным рекрутам догонять полк 60 верст, что составило вместо 15-ти—110 верст в такую стужу. Стоило бы подумать, что я буду солдат за такую проделку^[12]. Молодость все прощает, был ветрен и хотел поставить на своем. Но лучше бы отправить со старыми солдатами, хотя они и были все пьяницы; но деньги я мог отправить по почте. Дело прошлое, согрешил и повел в Ардатов команду, а сам с половины дороги уехал один в город. Приезжаю, спрашиваю человека, ушел ли полк наш. Ушел, он отвечал. Вхожу в гостинную. В гостинной сидел мой хозяин с полковником. Я не помню что со мною было. Это Бородинское жаркое дело! Первый вопрос полковника, почему я людей не принял? Я отвечал, что принял. Как я мог отправить команду без себя? Верно я бежал? Я сказал, что команда идет сюда. «Подайте мне вашу шпагу!» — «Ея нет со мною: она в обозе». — «Покажите мне людей, которых вы приняли?» — «Их нет, они еще на половине дороги». — «Вы солдат!» сказал он, прибавя: «я знаю вашу хитрость. Приказываю: когда придут люди, не медля выдти из города и догонять полк». Он был взбешен, как я его никогда не видел. И было от чего. Сам он ушел не медля. После ухода его хозяин, добрый мой, обняв меня, заплакал и сказал, что полк наш вчерашний день ушел, а полковник остался за расчетом, и завтра в 11 часов утра едет за полком на дневку куда все городские приятели его провожают. Первое мое дело быдо броситься к исправнику и просить, чтобы близ города отвел квартиры моим рекрутам и дал бы им в 6 часов больше подвод с тулупами, да и впереди

бы заготовил смену. Он добряк обещал, пожалел обо мне, и мы до свиданья разстались с ним. Я бросился к хозяину и с ним уехал к Бухваловым, приказав, когда партия придет в город, то проходили бы мимо за версту в большую деревню ночевать. Полковник вечером послал узнать, пришла ли партия, ему сказали, что прошла чрез город догонять полк. Его ужасно это разсердило; он говорил со мною сгоряча и думал, что я все исполнил, а я преспокойно всю ночь прощался и обещал из Орла приехать. Мне надавали почти годовую провизию, слезы были прощанием. Они полагали, что я буду солдат. Простившись и прося писать, я поехал в деревню, в 6 часов по приезде нашел ужасное количество подвод, так что на две лошади по два человека и два тулупа. Поверил команду, они все здоровы и целы! Я поскакал догонять полк и в 3 часа по полудни нагнал. Я послал рапорт к майору о прибытии моем и о том, что команда моя вся здорова и сыта, также деньги и шпагу. Полковник в городе замешкал до 12 часов на проводах и выехал со всеми знакомыми городскими чиновниками, кои его проводили. Дорогою он скучал, что нигде не может обогнать партии, и по приезде на дневку узнал, что партия пришла и все здоровы. Ехали на лошадях и в шубах. Знакомые городские все меня посетили, также и мой хозяин и привез мне поклон от невесты. Шпага мне была возвращена того же дни, но я долго не показывался полковнику, который в Темникове со мною нечаянно встретился и увел меня к себе обедать. Вот и конец делу, но я этой моей ветренности и теперь удивляюсь.

Мы, шли походом до Орла без всяких приключений и дошли благополучно. Не доходя до онаго за день, получили повеление в Орле только иметь дневку и по маршруту идти всем и кавалерии в герцогство Варшавское (что ныне царство Польское), в местечко Закрочин блокировать крепость Модлин, близ Варшавы, в 6 милях. Вот мои и планы на женитьбу рушились. Я писал много писем к невесте, ея матери и брату, но ответа ни одного не получил. Так и кончилось^[13].

Примечания к разделу III:

[1] В.А. Афанасьев пытается доказать, что награды вышли одновременно в 1813 и 1814 году, ссылаясь на данные из доклада Баркляя де Толли 22 апреля 1814 г. в Париже за дела 2,4,5 и 7 августа («Жизнь и подвиги генерал-лейтенанта Дмитрия Петровича Неверовского (1771-1813)» Под ред. Генерального штаба полковника В.А. Афанасьева, СПб, 1911).

[2] Речь, конечно, идет о «хлебном вине», т.е. водке.

[3] Выходя раненым (тоже в ногу) из оставляемой войсками Москвы, Душенкевич также наткнулся на брата, служившего в другом полку. Вообще, некоторые параллельные свидетельства участия в сражениях совпадают едва ли не текстуально, интересно в этом смысле сравнить, например, описание собственных приключений при Гейльсберге двух уланов — Н.А. Дуровой и Ф.В. Булгарина. Возможно, это дань общей литературной моде, диктовавшей некоторые «бесприигрышные» сюжетные ходы. Спустя много лет память услужливо подставляла мемуаристу именно такие, «литературные» эпизоды.

[4] Как следует из текста, в состав сводной гренадерской дивизии при Бородине были отобраны гренадерские роты 2-х действующих батальонов из каждого полка, помимо гренадерской роты запасного батальона.

[5] Андреев не единственный, кто говорит о невысоких боевых качествах ополчения.

[6] После слова «гвардейский» вероятно, выпущено слово «корпус». Перечисленные гвардейские полки входили в состав 1-го резервного кавалерийского корпуса под командованием графа Ф.П. Уварова.

[7] При всей сумбурности, эта фраза весьма интересна, если ее понимать как «видел впервые с пиками». Перед войной первой шеренге гусар было приказано иметь пики; но на практике, видимо, это исполнялось только в гвардии.

[8] Вернее, усадьбу.

[9] Произносить напыщенные «исторические» фразы было очень в характере Милорадовича, который сознательно соревновался в сем искусстве со своим непосредственным противником, маршалом Мюратом. Об этом можно прочесть в мемуарах Ермолова.

[10] Вымораживание — способ крепление вина, состоящий в замораживании до температуры замерзания воды. Затем лед удаляется, а оставшееся вино (выморозки) становится крепче.

[11] В данном случае — оскуделых дворян без крепостных.

[12] Т.е., такая «неисправность» по службе грозила разжалованием в солдаты.

[13] В 1826 году Н. И. Андреев женился на Надежде Николаевне Чихачевой. (прим. «Русского Архива»)

Заграничный поход

IV

Наступил 1813-й год Неприятеля не было не только в России, но и в Польше. Мы достигли своего местоназначения, где по приходе немедля послали в армию нашего полка баталион с майором Антоновым, а я как ни просился, но полковник не отпустил. Мы квартировали у обывателей. Крепость Модлин укреплена очень хорошо^[1], мы ходили по очереди в цепь. Со стороны сухопутной вылазок не было.

Армию формировал князь же Лобанов-Ростовский; корпус наш был под начальством генерал-лейтенанта Клейнмихеля, отца главноуправляющего путей сообщения. У него были в команде баталионы формирующейся гвардии, гренадер и армейские. Кавалерия стояла в Плоцке. Хотя солдат было и довольно в гвардии, но офицеров мало, и потому требовали из армии. Из нашего баталиона командирован был я. Гвардия была расположена по реке Висле у колонистов, близ крепости, около местечка Новый Двор, где река Нарева впадает в Вислу, против крепости. Я явился к дивизионному начальнику 2-й гвардейской дивизии, подполковнику из нашей дивизии, моему приятелю Константину Михайловичу Колошинскому. Обеими дивизиями баталионов командовал Преображенского полка полковник Стрекалов. Я был назначен адъютантом 2-й гвардейской дивизии, месяца три исправлял я сию должность. В это время было ужаснейшее наводнение реки Вислы, на берегу коей мы стояли, а против нас за рекой был корпус гренадеров, под командою Паскевича. Река разлилась и потопила даже большие дома колонистов, так что мы делали плоты иплыли семь верст на высоту и там жили неделю на биваках. Сорвало в Варшаве мост и несло его мимо нас с людьми, там случившимися, в крепость. Зрелище было необыкновенное; на мосту была торговка и разного рода люди и собаки, но как они были Поляки, то в крепости им дали убежище. Вода у нас была как море, и мы с трудом переправились. Так скоро прибывала, что утром показалась на улице, а к полудню уже затопила избы наверху. Я после назначен был в лейб-Финляндский баталион, и там встретил знакомого начальника, капитана Жижневского, который был ротным командиром, где я был в Дворянском полку в 5-й роте. Меня он назначил адъютантом, казначеем и квартирмейстером, а после приехал этого же полка капитан Байков и принял баталион. Он меня полюбил очень и после дал роту, хотя и были гвардейские офицеры. Однажды, как я был в карауле с ротой в Новом

Дворе против крепости (нас только река разделяла) неприятель вздумал, устроив Флотилию из больших лодок, ночью посетить нас, чтоб истребить наш батальон, но ему эта шутка не удалась. Мы, подпустив их ближе, пустили на них батальный огонь, и они, правда, отвечали и 9 человек наших убили наповал, а 15 ранили порядочно: за то они, думаю, не досчитались у себя много, а одна лодка из орудия большого калибра была в щепки разбита, и люди их все перетонули. Но мы были очень осторожны. С трудом ходили за водой; они из крепости, не жалея снарядов, стреляли из пушек и по одному человеку. Наконец, наскучило мне быть у чужих, работать, учить чужую команду — я начал проситься в свой батальон. Байков меня просил остаться с тем, что, когда будет мир, то он упрощит Великому Князю меня перевести в гвардию, а как состояние мое не позволяло там служить^[2], к тому же я слышал, что из армии нашей каждого батальона идут за границу в действующую армию по две роты, то и думал туда отправиться. Но вышло не то. Вскоре, 1814 года в Марте, был мир. Бонапарта прогнали на Эльбу. Крепость сдалась еще прежде, и мы пошли за Варшаву, где квартиры были чудесные, 25 миль около Кракова. Гостеприимство везде отличное, и можно сказать, что я пожил в Польше весело.

В исходе 1814-го года пошли мы в Гродненскую губернию, куда из Парижа пришла и дивизия наша. К прискорбию нашему не вернулся наш добрейший дивизионный Неверовской: его тяжело ранили под Лейпцигом в ногу, и он от раны вскоре умер^[3]. Дивизия вся его оплакивала, да и я впоследствии никогда не имел такого начальника.

В Гродненской губернии, бедной против Варшавской, я однако жил весело. Полк наш квартировал в Зельве, я с ротой в местечке Кренице, в уезде Волковском, в имении бригиток-монашенок. Эконом был добрый человек, а дочь его Маша милашка. Я имел квартиру прекрасную, жил как хороший обзаведенный офицер, имел три лошади своих, у меня бывали вечера, а у хозяина Избицкого балы. Часто полковая музыка у нас гремела, провианту я не давал ни гарнцу, всегда квитанция готова. Артели солдат прибавлялись значительно, я продавал их муку и деньги отдавал им в артель. Мука была 25 рублей, а крупа 32 рубля за куль. Солдатам хорошо, да и я жил весело^[4]. Что за жизнь была в Польше, и теперь с восторгом вспоминаю. Хорошо было молодежи, не так как в России, кроме Ардатова, и то в какое время!

Наступил 1815 год. Наполеон вздумал бежать, и нас потребовали. Шли мы скоро до Калиша, а там в Шлезию, Саксонию. Что за край! Подобного нет в Европе. Проходили много герцогств, княжеств, Баварию, Богемию и подошли к Рейну в Франкфурте на Майне. Я не живописец и не пиит, не могу изобразить прелестной картины возле Рейна, где мы простояли пять часов, дожидаясь эрцгерцога Карла, брата императора Австрийского. Перед нами крепость Майнц, левее Рейн, в него впадает река Майнц. За рекой город Майнц, на горе, довольно большой и красивой; по правую сторону горы с виноградниками, по левую по реке Рейну даль верст на двадцать с деревнями каменного строения и церквями. Сзади нас в двух верстах на горе город Гохейм. Можно смотреть и восхищаться! Когда проехал мимо нас принц Карл, ему кричали «ура». Мы перешли Рейн и выпили прекрасного вина Гохеймского. Из полку по четыре офицера и по двое штабс-офицеров были приглашены на завтрак к принцу Карлу; я был в числе избранных. Завтрак был неважный, но зеленого салата много и вино хорошее, по две рюмки; принц одет был в сером сюртуке и шляпа с широким позыментом.

Я забыл сказать, что меня в Гродне в 1814 году произвели в поручики, а при переходе чрез Рейн 1815 года в штабс-капитаны. Когда мы перешли Рейн, война кончилась. Англичане и Пруссаки разбили при Ватерло Французов, и Наполеон великий бежал, и после отдался Англичанам, кои отправили его на остров Св. Елены. Крепости же Мец и Вердюн не сдавались, и много у них было партизанов. К последней нас

послали блокировать ее; мы шесть недель содержали ее в блокаде, и она сдалась. Тогда я ездил в Люневиль, известными миром в 1801 году. Город очень хорош, в нем ружейная фабрика и пистолеты превосходные. Нас от границы Польши и во Франции продовольствовали везде очень хорошо, особливо Пруссаки и Саксонцы, и у Французов было недурно. Полк наш после квартировал в городе Бельмонте, а я с ротой в деревне Клермонте. В Июле месяце Император собрал всю нашу армию и гренадеров на Шалонския поля близ Вертю, от Парижа очень не далеко. Он делал армии смотр и сам представлял монархам Австрийскому, Прусскому, Баварскому, и много было владетельных, а фельдмаршалы наш и Английский Веллингтон. Из Парижа множество было маршалов, принцев, генералов и даже дам. Маневр сей для зрителей был прелестный. Когда армия собралась к Вертю в Шампани, в три часа утром, войска были поставлены в три линии! В первых двух пехота с артилериею, в интервалах между дивизий, в третьей кавалерия. В десять часов приехали монархи в город Вертю, который построен на высокой горе, и оттуда необозримая равнина. Такого каре, думаю, никто и никогда не видал. Когда построились в каре, государи объехали оное, что составляло до пятнадцати верст кругом, и за ними вся свита и дамы. Большая кавалькада!

Мы стали в дивизионныя колонны, а после в батальионыя, и так пошли церемониальным маршем кругом десять верст. Наш император Алексаидр ехал впереди пред гренадерами: гвардии тогда во Франции не было. Мы очень устали и утомились, пыль, жар, в Августе 29-го. Мы ночью пришли, не ели ничего, жар, воды нет, везде песчаная степь. Мы платили по рублю серебром за стакан воды и рюмку водки. Сия проделка была повторяема три дня сряду: первый день репитиция, второй смотр монархов, а 30 Августа церковной парад в сей же армии и на том же месте. Я был последним в армии, проходил мимо царей, потому что дивизия 24-я была последняя в армии, полк наш последний в дивизии, рота моя, 9-я^[6], последняя в полку; сзади меня шла кавалерия. Можно вообразить, что по песку в жар какая была пыль. Если бы на мне был красный мундир, и тот бы был бел. Слава Богу, все прошло, и молодость вынесла все труды.

Мы тотчас пошли в Шато-Тъери, городок хороший, на реке Сене, близ Парижа. Корпус наш был 8-й, командовал им Сабанеев, и нас оставляли во Франции на пять лет — я пока и не думал ехать в Париж, полагая, что успею еще, да и нужен был товарищ, кто бы знал язык Французский^[6]. В ожидании поездки, получили повеление не медля выходить в Россию, а вместо нас оставили корпус графа Воронова. Вот мои планы рушились. Я был в Риме и папы не видал, то есть был возле Парижа, а там не был. Потомство сказало бы, что я Вандал; но обстоятельства все переменяют, а притом же без денег там скучно. Я имел 40 червонцев; думаю: сберегу и, придя в Россию, съезжу проведать батюшку, котораго давно не видал. Я так и сделал: еще во Фраиции подал в отпуск, и по возвращении в Россию, когда мы квартировали на Волыне в Житомирской губернии, я получил отпуск...

Чрез короткое время, в Ноябре, произвели нашего полковника Назимова в генералы, а шефы в армии еще во Франции уничтожены. К нам дали полковаго командира Яковлева, служившаго в армии графа Витгенштейна с 1812-го подпорутчиком, а в 1815 году был он полковник. Я не хотел служить в пехоте, хотел в кавалерию; но трудно перейти; а из отставки можно было проситься в любой полк. Вот что меня понудило оставить военную службу 26-ти лет. Я подал в отставку и недолго ждал: меня уволили тем же чином, потому что я не дослужил года в штабс-капитанском чине. Дивизию нашу еще при мне назначили в Литовской корпус, под начальство цесаревича Константина Павловича. Я, прощаясь с службой, не думал, что на век не надену военного мундира. Когда дали мне отставку, то в приказах сказана Высочайшая воля, чтоб отставных офицеров не принимать в другие полки, как в теже, где они служили. Вот я оставил

службу военную на век. После идти в тот же полк нельзя, потому, что кто у меня был в команде, у того я бы должен быть, и товарищи мои чрез два года были майоры все. К тому же батюшке угодно было, чтоб я остался при нем: из пяти сыновей ни одного при нем не было. Что делать мне было иначе? Я вышел в отставку 1816 года, дома прожил до 1819-го, после выбрали меня в заседатели в Порховский Земский Суд....

Примечания к разделу IV:

[1] Крепость Модлин - у слияния Варева с Вислой существовала в зачаточном состоянии еще в XVIII веке: она имела земляные верки, которые к концу столетия пришли в полный упадок. Наполеон оценил важное стратегическое значение Модлина и во время кампании 1807 г. приказал в целях облегчения переправы через Вислу и Нарев построить большое предмостное укрепление на правом берегу Вислы и малые укрепления на левом берегу Нарева, на Новодворском полуострове. Затем, готовясь к походу в Россию, он признал необходимым обратить Модлин в первоклассную крепость, причем в составлении проекта этой крепости принимал участие известный французский инженер Шаслю. В 1813 г., ко времени блокады Модлина русскими войсками, он представлял собой следующее: главная крепость, на правом берегу Вислы и Нарева, состояла из ограда с четырех фронтах бастионного начертания, обращенных в поле, и одного фронта - неправильного кремальерного начертания, обращенного к реке. Три напольных фронта, наиболее подверженные атаке, имели рavelины, вынесенные за гласис. Средний фронт, расположенный почти по прямой линии с соседними, не был подвержен атаке и потому имел ravelин, примкнутый к контрэскарпу. К западу от крепости, у берега р. Нарева, находился горнверк с ravelином, а еще далее к западу - верк кремальерного начертания с ravelином и каменным блокаузом в горже; он носил название кронверка Утратского. К северу от крепости находился кронверк Средний, а к северо-востоку - кронверк Модлинский. На левом берегу Вислы было расположено Казунское мостовое укрепление, на Шведском острове у головы моста находилась флешь с крыльями; наконец на Новодворском полуострове - мостовое укрепление в виде горнверка, с отдельным ретраншаментом в горже и двумя передовыми батареями (данные приводятся по источнику: Яковлев В.В. «История крепостей», гл. 18. М.: Полигон, 1995)

[2] Служба в гвардии обходилась дорого из-за повышенных требований к обмундированию, а также многочисленных престижных трат. Жалование гвардейцев ненамного превышало армейское (на 20-50%), но траты были многократно больше. Например, гвардеец не мог позволить себе пить в трактире дешевое вино или пиво, приходиться пешком на званые балы и т.д. Попытка «удешевить» собственное содержание могла вызвать не только насмешки товарищей, но и прямые нарекания начальства.

[3] 18 октября 1813 года Неверовский был ранен пулей в ногу (в лодыжку) в сражении под Лейпцигом. Присланный врач (Тарасов) решил воздержаться от ампутации, однако вынуть пулю не смог. Решение отказаться от ампутации оказалось ошибочным: Неверовский умер от гангрены 21 октября того же года.

[4] «Афера» Андреева состояла, вероятно, в том, что гостеприимные хозяева взяли на содержание его роту, скорее всего, — в обмен на услуги, которые способны оказать находящиеся в поместье 160 пар крепких рабочих рук. Тем не менее, Андреев получал со складов необходимое довольствие, которое продавал, получая с солдат расписки. Вырученные деньги он отдавал солдатам, за определенный посреднический процент, на который и содержал себя в достатке. О распространенности такой практики красноречиво свидетельствует распоряжение А. А. Аракчеева отказать в прибавке жалования ротным командирам, «поскольку оные пользуются доходами с рот».

[5] Действительно, Андреев командовал 3-й гренaдерской ротой полка (она же 4-я (гренaдерская) рота 3-го батальона, она же 9-я по счету среди действующих рот полка: сначала следовали 4 роты 1-го батальона, затем гренaдерская рота 2-го (запасного батальона) и, наконец, 4 роты 3-го батальона, последней из которых командовал мемуарист.

[6] Напомним, что сам Андреев умел «читать и писать по-французски и по-немецки», т.е. владел языком, что называется, «со словарем».